

сжатия сельского расселения и как динамика численности населения в отдельных селах и деревнях зависит от их позиции в сети населенных пунктов. Общие выводы получились вполне предсказуемы: скорость сжатия расселения и депопуляции возрастает по мере удаления от региональной столицы и крупных транспортных осей. Однако для отдельных населенных пунктов положение в сети – значимый фактор динамики численности населения. В целом работа привнесла весомые примеры для совершенствования методической базы исследования по схожим тематикам.

Из региональных работ можно выделить исследования: по Оренбургской области [16], для субъектов Нечерноземья и северо-запада России [1; 7; 8; 17], а также не испытывающего сельской депопуляции Ставропольского края [18].

Отдельным направлением в выделенной теме в последнее время стало изучение реального располагающего населения в пригородах и отдаленной сельской периферии. Все большее количество авторов отмечают, что официальная численность зачастую не совпадает с действительно проживающим числом жителей, что может послужить причиной заблуждений при оформлении выводов. Наиболее весомой причиной обозначенных несоответствий могут считаться процессы возвратной трудовой мобильности (суточной, месячной или другой периодичностью) с преимущественным направлением из села в город, или другое название отходничество. Количественные оценки таких потоков взрослого населения по понятным причинам достаточно затруднительны. Наиболее доступным и дающей полный охват по населению РФ способом получения данных о величине отходничества являются данные всероссийских переписей населения (ВПН). Так, на основе ВПН 2010 г. Е.В. Антонову [3] удалось создать карту для европейской части России в которой отражалась в границах муниципалитетов доля занятых, работа которых находится вне населенного пункта их проживания. Для большинства районов, находящихся в непосредственной близости к региональному центру ее уровень, достигал высокого значения в диапазонах 41–75%.

Появление новых источников информации в виде данных операторов сотовой связи

дало толчок к изучению пульсаций населения без увязки к данным переписей населения. В последние 10 лет появился ряд работ, исследующих частные случаи этого процесса. На примере Московской агломерации А.Г. Махровой с соавторами были использованы обезличенные данные операторов сотовой связи («Билайн», «МТС», «Мегафон») о локализации абонентов по состоянию на рабочее и не рабочее время в течении суток, а также на условные летний и зимний период 2015 г.: июль (лето) и октябрь (зима) [9; 10]. Результаты показали высокую динамичность системы расселения столичной агломерации: сильные суточные пульсации населения, когда трудовые мигранты устремляются в районы Москвы, «сжимая» активное агломерационное пространство, и недельно-сезонные дачно-рекреационные миграции «растягивающие» каркас жизнедеятельности в районы Подмосковья. Последнее дает еще одно направление в изучении трансформации сельского расселения. Горожане, покупающие или строящие садовые дома в деревнях или в садовых товариществах, существенно влияют на сохранение и развитие сельской местности благодаря поддержанию инфраструктуры, влиянию на местные рынки, созданию параллельной сети услуг и рабочих мест. В частности, этот факт подтверждается полевыми исследованиями в регионах Нечерноземья К.В. Аверкиевой [2], Т.Г. Нефедовой [13; 14], А.Г. Махровой [11].

Приведенные направления исследований и их результаты говорят о сложной структуре факторов изменений размещения сельского населения и его учета. подводят последующих исследователей к необходимости использованию не только прямых статистических данных, но и к более широкому подходу при изучении этих процессов.

Материалы и методика исследования.

В настоящее время в России для целей получения сведений об изменении численности населения на региональном уровне используются два основных источника – данные ВПН и данные текущего учета населения, публикуемые Росстатом и его региональными отделениями. Для получения данных по муниципальным районам тем же Росстатом с 2006 г. внедрена электронная база данных показателей муниципальных образований (БД ПМО), позволяющая получать данные

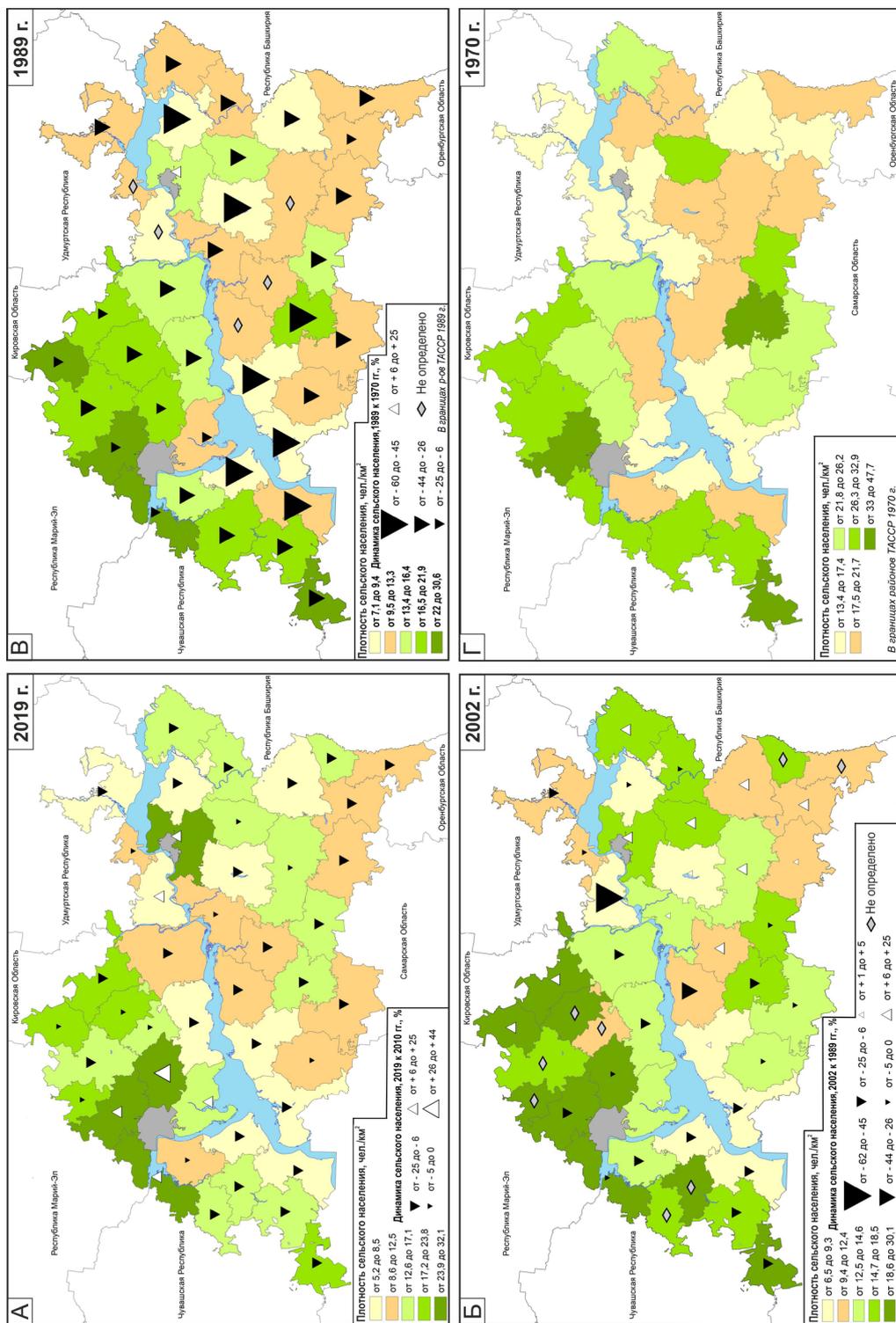

Рис. 1. Изменение численности и плотности сельского населения Республики Татарстан с 1970 по 2019 г.

происходила относительная центрo-периферийная концентрация.

2. Дезурбанизационный. В кризисные для экономики годы часть периферийных районов, до этого огромными темпами терявших население, стала незначительно прирастать населением. Пригороды, напротив, теряли сельчан темпами большими, чем в среднем темпы по республике.

3. Субурбанизационный. По сути, первое десятилетие XXI в. было переходным этапом между дезурбанизационным и субурбанизационным периодами. После 2010-х гг. началась центрo-периферийная концентрация по градиенту от пригородов региональной столицы и второго по численности города региона к перифериям.

В 1970 г. сельское население концентрировалось по большей части вдоль западного и северо-западного пограничья. Кумулятивным результатом тенденций изменения размещения сельчан для современного Татарстана после 2010-х гг. стало формирование азонального типа сельского расселения, с его концентрацией в районах – соседях крупных городов, затем плотность сокра-

щается по мере удаления от этого центра. Средняя плотность сельского населения Татарстана в 2019 г. составила 14 чел./км². Выделяются зоны концентрации сельского населения в зонах часовой досягаемости 4 крупнейших городов: Казани, Набережных Челнов, Нижнекамска и Альметьевска. При анализе «сгущения» внегородского населения в зоне Казанской агломерации (см. рис. 3), в отличие от анализа показателей плотности по району в целом, удалось установить преобладание уплотнения в той части района, которая непосредственно прилегает к городу.

Эта особенность еще раз подтверждает, что минимизация затрат на связность с городом приобретает ключевое значение при формировании территориальных преобразований в сельском расселении на современном этапе. Города Набережные Челны, Нижнекамск и Альметьевск также формируют общий субурбанизационный пояс. Он представлен в виде незамкнутого с западной части кольца относительно крупных сельских поселений: северная часть Нижнекамского – практически весь Тукаевский – центральная

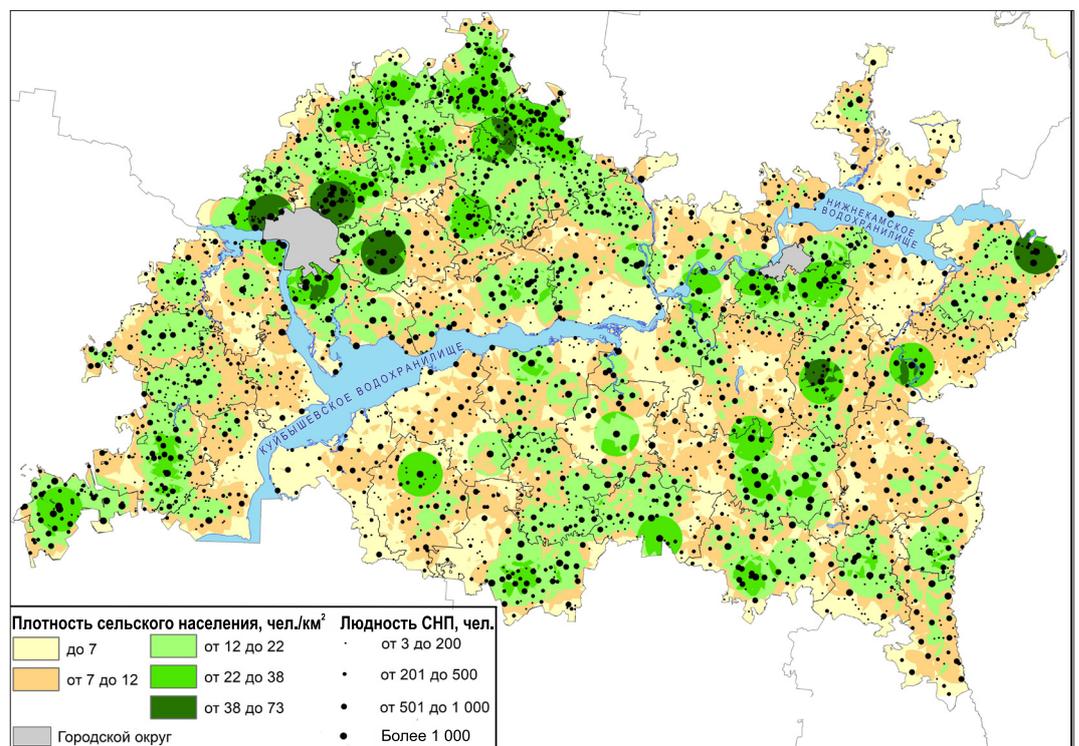

Рис. 3. Размещение сельского населения Республики Татарстан

Источник: составлено автором по микроданным ВПН 2010.

ось Сармановского и восточная часть Альметьевского районов, соответственно.

Плотность сельского населения субурбанизационных поясов г. Казани и Набережных Челнов в 3–4 раза выше, чем в отдаленных от этих городов районах республики. Наиболее удаленные от упомянутых городских центров территории, представленные районами в Предкамской и Закамской зонах, имеют наименьшую плотность сельского населения (менее 10 чел./км²). Среди районов, находящихся на значительном удалении от агломерационной зоны, обособляется Дрожжановский район, находящийся на юго-западном пограничье республики, с относительно высокой концентрацией сельских жителей. Также в современном внегородском расселении выделяется относительно более плотно исторически заселенная территория северо-запада республики.

Изложенные закономерности можно проследить графически (см. рис. 4), построив профиль плотности сельской местности по направлению Казань – Набережные Челны (эти 2 города расположены примерно на одной широте).

Полученный условный «рельеф» плотности населения очень выразительно демонстрирует, в пределах одного субъекта,

направленность депопуляции неурбанизованных территорий по градиенту «пригород-периферия». Наблюдается выраженное снижение концентрации сельчан от соседей 1-го порядка обозначенных городов при движении к географическому центру между ними, где достигаются минимальные значения. Но для этих наиболее удаленных территорий уже не характерно существенных изменений плотности.

Заметную роль в повышении миграционной аттрактивности территорий, расположенных вблизи центра региона, играют урбанизационные процессы, связанные с «расползанием» крупного города за пределы своих административных границ. Одним из следствий этих процессов можно считать строительство и последующее заселение жилых комплексов (далее ЖК) вблизи Казани (см. табл. 1). Этот процесс начал наиболее активно проявляться в столичной агломерации после 2010-х гг. и связан с рядом причин. В частности, в указанный период отмечалось удорожание стоимости жилья в пределах Казани темпами выше прироста реальных доходов горожан. Начавшие появляться в часовой доступности от города ЖК имели более низкую стоимость. При продолжавшемся увеличении

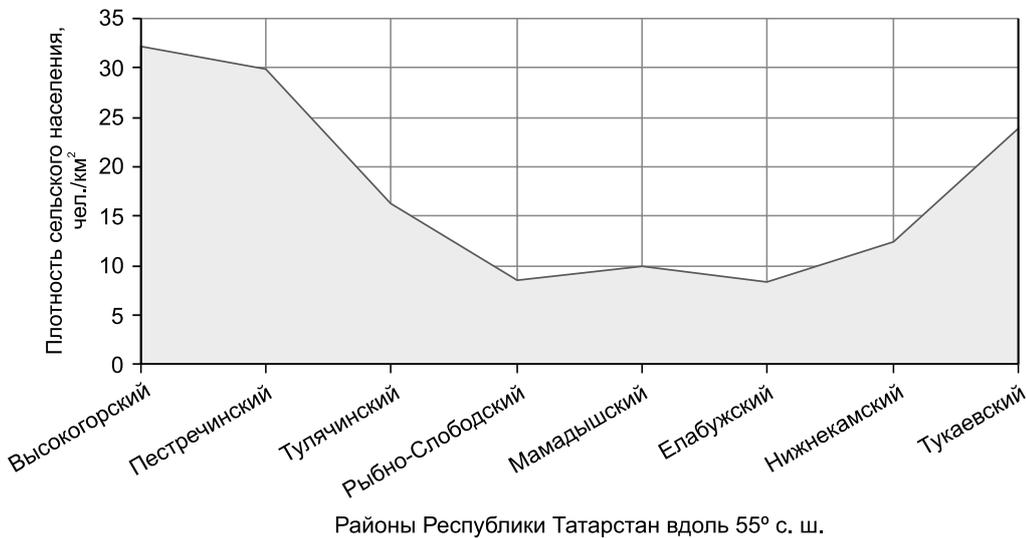

Рис. 4. Профиль плотности сельского населения в направлении Казань – Набережные Челны (по 55^о северной широты), 2019 г.

Источник: составлено автором по данным БД ПМО.

Таблица 1. Жилые комплексы, расположенные в снп, и доля их жителей в численности сельского населения районов

Район	ЖК (местонахождение), заселенные после 2010 г.	Оценочная численность жителей ЖК в 2019 г., тыс. чел.*	Разница численности жителей сельских поселений, в которых расположены ЖК за 2010–2019 гг., тыс. чел.**	Отношение разницы численности жителей в сельских поселениях с ЖК к общей разнице численности сельского населения района за 2010–2019 гг.**
Зеленодольский	Радужный 2 (пос. Осиново)	15	5,9	1,1
Пестречинский	Царево Village (с. Новое Шигалево)	9	3,6	0,8
	Светлый (д. Куюки)	7	5	
Лаишевский	Счастливый (с. Усады)	н. д.	3,6	0,5

Источник: составлено автором по данным: *сайтов девелоперских компаний, **Татстата.

городского населения происходило «выталкивание» определенного контингента жителей Казани за ее пределы по экономическим причинам. Помимо этого, эти процессы объясняются и новейшими общероссийскими поведенческими тенденциями, в частности желанием жителей крупнейших городов жить за его пределами (в связи с появляющимися возможностями фриланса, стремлением к проживанию в более экологически благоприятных условиях и проч.).

Со стороны девелоперов выгода выбора расположенных близ города снп в качестве места для застройки определяется более доступной стоимостью земли под строительство. В свою очередь, со стороны покупателей расположение ЖК в сельском поселении дает возможность получить на льготных условиях «сельскую» ипотеку. Полученные оценочные данные о количестве жильцов в ЖК превышают показатели прироста населения сельских поселений, в которых он расположен. Это может быть связано с тем, что не все прописываются на новом месте жительства, или косвенно указывает на снижение численности сельчан, изначально проживавших в этих сельских поселениях. Оценка доли жителей ЖК в приросте сельского населения районов варьируется от обеспечившей поло-

вину всего прироста до величины, которая полностью определила размер увеличения населения при сокращении численности в прочих поселениях. Очевидно, что застроенные жилыми комплексами ближние к городу сельские поселения во многом и оказались «точками роста», позволившими после 2010-х гг. отмечать концентрацию населения в «пригородских» районах Казани. Остальные сельские поселения этих районов в большинстве своем имели незначительные изменения в сторону прироста или убыли.

Помимо этой «точечной» специфики прироста населения, для территориального планирования пригородные зоны сложны еще одной особенностью, свойственной преимущественно им, – значительными потоками возвратной мобильности населения. Косвенные оценки, полученные на основе сопоставления емкости муниципальных рынков труда с численностью трудовых ресурсов, позволили установить, что для этих районов удельный вес занятого населения с местом работы вне своего населенного пункта находится в диапазоне от 35 до 65%. Логично предположить, что практически все жители появившихся ЖК сохраняли за собой место трудовой занятости в Казани. Местный

ках активного витка субурбанизации 2010-х гг., что по темпам оказалось даже интенсивнее прироста в их городских центрах. В Бугульминском районе деконцентрационный процесс обусловлен снижением населения в городе, превышавшим в своих темпах депопуляции остальное население района муниципалитета.

Выводы. Период с 1970 по 2019 г. охарактеризовался снижением численности сельского населения Республики Татарстан в 1,7 раза при росте городского в 1,9 раза. В республике по аналогии с большинством регионов Нечерноземья, Черноземья и Поволжья пиковые значения убыли пришлось на 1970–1989 гг. и определялись витком урбанизации того времени. В этот период происходит «размытие» исторически сложившегося сельского расселения региона, характеризовавшегося концентрацией сельчан вдоль западного порубежья (Предволжье и Предкамье). Депопуляция была характерна для практически всех районов республики, но районы вблизи регионального центра г. Казани теряли население менее интенсивно, а сельское население вблизи г. Набережных Челнов представляло единственный район с положительной динамикой численности. Природный и исторический фактор, некогда влияющие на характер расселения ушли на второй план. С этого момента на исследуемой территории можно говорить о поляризационных процессах в размещении внегородского населения, с поправкой на ее относительный характер. Дезурбанизационная тенденция 1990-х годов ненадолго притормозила «пригород-периферийный» характер трансформации сельского пространства региона. Примерно с 2010-х годов сельское население вблизи г. Казани и Набережных Челнов характеризовалось ростом своей численности. Однако, проведенное исследование на локальном уровне показало, что обозначившаяся в последнее время тенденция к статистическому росту сельского населения в приближенных к 2 крупнейшим городам района имеет свою специфику. Рост происходит в основном за счет трансформации селитебной зоны через застройку и дальнейшее заселение жилых комплексов городского типа. Ряд стоимостных привилегий в совокупности

со стремлением к жизни «за городом» привнес устойчивую тенденцию этому процессу. При этом «пригородские» территории по-прежнему сохраняют функцию проживания населения, а трудовая занятость этих формальных сельских жителей происходит в городе. К тому же, внутри муниципальных районов, между населенными пунктами с различными значениями центральнойности, сохраняются тенденции к поляризации размещения населения, выявленные в региональном масштабе.

Все это свидетельствует об усиливающейся структуризации пространства и все большей неравномерности ролей центральных мест и остальной территории. Роль пространства для сельской местности Республики Татарстан на современном этапе приобретает все большее значение, пространство становится ключевым фактором развития на внутрирегиональном и внутрирайонном уровне. Современный технологический прогресс, позволяющий снизить издержки физической и информационной доступности крупных городов, не нивелировал фактор удаленности от центра для слабозаселенной периферии. Поляризация сельского пространства в «пригород-периферийном» градиенте неизбежна и будет продолжаться. Пространственный фактор давно уже стал ключевым при направлении трансформации расселения, и пример Республики Татарстан показывает, что климатические и этнокультурные региональные различия играют почти незаметную роль.

На вопрос, что делать с этим процессом, существует несколько противоположных друг другу ответов [15]. Самым оптимальным видится управление сжатием пространства, что позволит избежать «точки невозврата» планирования этих территорий, как это произошло в ряде регионов Нечерноземья. Основная задача государства – поддержание функционирования социальных объектов на этих территориях. Но начатая с 2000-х гг. политика оптимизации расходов бюджетов регионов имеет неоднозначные последствия. Так, с 2002 по 2019 г. количество школ в сельской местности республики сократилось на 56% (в среднем по России на 49%), с 2015 г. началась оптимизация первичного медицинского звена – фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП). Занятость

